

истории (26), сказки о судьбе (9), сказки о разбойниках и об ангеле смерти (5), еврейские и йеменские легенды и предания (18).

Несмотря на разнообразие репертуара Ефета Швили, по его не только сюжетному, но и жанровому составу он воспринимается как нечто единое, монолитное, так как все, независимо от своей жанровой принадлежности, преподносится сказочником с нарочитой установкой на фактологичность, как рассказ о действительных событиях.

Большинство своих историй он, Ефет Швили, слышал от отца, но многое и от других еврейских и арабских сказочников.

Сказки Ефета Швили чрезвычайно интересны для исследования. На составе и характере его репертуара несомненно сказалось то, что они восприняты им от грамотных, знакомых с библейской и средневековой литературой людей. Очень своеобразно отразилось в них сочетание арабской и европейской культуры.

Поскольку сказки опубликованы в немецком переводе, трудно судить об их стилистических особенностях, так например, утерян ритм и рифма стихотворных вставок.

Однако бросается в глаза отсутствие присказок и концовок, морализирующих сентенций и т. д. В Израиле Ефету Швили редко приходится рассказывать, так как он находит мало слушателей, интересующихся сказкой. Встреча с собирателями фольклора, по словам Дова Ноя, подняла интерес к сказке и у самого сказочника и у его окружения.

Книга «Ефет Швили рассказывает» вводит в международный научный оборот чрезвычайно интересный материал. Приходится только пожалеть, что автор вступительной статьи ограничился биографическим очерком и не счел нужным дать анализ репертуара сказочника, его сюжетов, их происхождения и особенностей, а также характеристику мастерства самого сказочника, дав лишь самые общие замечания о манере рассказчика.

Э. Померанцева

Н. К. Kaufman. *Bandkhuad, a Community study in Thailand*. Monographs of the Association for Asian Studies, New York, 1960, 232 стр.

Книга Кауфмана построена по канонам монографического описания одного поселения, сложившимся в последние годы в американской этнографии, занимающейся странами Юго-Восточной Азии и в частности — Таиландом. Объектом изучения Г. К. Кауфмана были тайские крестьяне деревни Бангхуад в Центральном Таиланде.

Деревня Бангхуад находится недалеко от Бангкока и является, по утверждению Кауфмана, типичным для дельты Менама поселением. Бангхуад — сравнительно молодая деревня, возникшая в 1875 г. на месте бывших джунглей. В 1905 г. правительство Сиам, заинтересованное в освоении земель в этой части страны, предоставило переселенцам льготные условия: 1 рай¹ земли стоил всего лишь 1 бат. Через 50 лет цена 1 рая земли подскочила до 3—15 тыс. бат.

Деревня Бангхуад состоит из трех поселков. В ней живет 147 семей (744 чел.), из них только две мусульманского вероисповедания, остальные — буддисты.

В книге Кауфмана читатель найдет обстоятельное описание основных занятий жителей Бангхуада — земледелия и рыбной ловли (стр. 41—53). Кроме того, в деревне имеются учителя, плотники, музыканты, портные, гробовщик, коновал, торговцы (стр. 55). К сожалению, не ясно, являются ли все перечисленные профессии единственным источником существования владеющих ими лиц и их семей или некоторые из них предполагают параллельное занятие земледелием. Кстати, 120 хозяйств, по подсчетам автора, получают средства существования главным образом от земледелия, следовательно, только 27 семей живут за счет иного источника дохода.

Весьма ценными являются приводимые автором сведения о материальной культуре жителей деревни Бангхуад: о типах домов и застройке усадеб (стр. 19—20), о пище, напитках (стр. 165—167) и одежде (стр. 165).

Особенно ценными следует признать разделы книги, посвященные анализу социально-экономических отношений в деревне Бангхуад. Основной хозяйственной единицей в деревне является семья, состоящая из родителей и их детей — несовершеннолетних, а иногда и женатых, живущих в одной усадьбе. Имуществом, которое родители могут оставить в наследство детям, является земля, делимая поровну между сыновьями и дочерьми, и дом, достающийся младшему отпрыску — будь то дочь или сын.

Фактического размера участков земли, находящихся в собственности отдельных семей, Кауфман не приводит, ограничиваясь данными о площади земельных участков, приходящейся в среднем на одно хозяйство в каждом из трех поселков, образующих деревню: 9,6 рай в одном поселке, 37 — в другом и 24,2 — в третьем на семью при среднем численном составе семьи соответственно 5,8 чел., 4,6 чел. и 4,7 чел. (стр. 17). Эти цифры отнюдь не проливают света на реальное положение вещей. Картина не-

¹ 1 рай = 0,16 га.

сколько проясняется благодаря сведениям, приведенным автором на стр. 66. Оказывается, что из хозяйств, получающих средства к существованию преимущественно от земледелия, 32 хозяйства собственной земли не имеют и не арендуют, 46 хозяйств арендуют землю, не имея своей, 25 — довольствуются той землей, которая имеется в их распоряжении, а 17 хозяйств сдают землю в аренду. Здесь уместно вспомнить слова Ленина, писавшего: «...когда нам говорят, что «крестьянство» арендует землю и «крестьянство» же сдает землю, то мы знаем, что первое относится главным образом к крестьянской буржуазии, второе — к крестьянскому пролетариату»². Согласно приводимым автором данным, размер арендной платы колеблется от 3 до 9 бат за 1 рай арендуемой земли, а плата наемным рабочим за 9 месяцев работы на поле составляет 900 бат — женщинам и 1200 бат — мужчинам. Однако числа наемных рабочих и числа семей, пользующихся их услугами, Кауфман не называет, указывая лишь на то, что крупные землевладельцы испытывают трудности в найме рабочей силы, так как «бедные фермеры работают на богатых, у которых находятся в долгу» (стр. 65). 70% всех работ по выращиванию риса в Бангхуаде производятся коллективно. Система взаимопомощи, при которой крестьяне по очереди работают на полях друг друга, называется по-тайски «ауренг».

Одностороннее использование бесплатного труда родственников или односельчан, которых только кормят за время полевых работ, носит название «коренг». Богатые землевладельцы, не заинтересованные в «ауренге», приглашают на свои поля жителей деревни, зависящих от них, пользуясь системой «коренг» (стр. 65). Хотя ауренг и коренг описаны Кауфманом значительно полнее, чем его предшественником — Де Янгом³, тем не менее остается ряд вопросов, которые и Кауфман оставляет без ответа: какую часть из 70% работ, приходящихся на ауренг и коренг, составляет каждый из них; из кого именно состоит группа взаимопомощи при ауренге и какова ее численность; какого рода зависимость заставляет одного жителя деревни бесплатно работать на другого и как часто это бывает и т. д. Тем не менее, содержащийся в книге материал позволяет представить пеструю картину социально-экономических отношений в тайской деревне, где традиции общинной взаимопомощи, т. е. пережитки первобытнообщинного строя, соседствуют с капиталистическими отношениями. Несмотря на эти факты, красноречиво свидетельствующие о расслоении деревни, Кауфман предпочитает не говорить об истинном — классовом характере отношений между жителями Бангхуада. Вместо этого он описывает несколько «типов» взаимоотношений между разными категориями жителей деревни: тут и староста деревни — крестьянин, районный чиновник — жители деревни, учитель — ученик, учитель — жители и т. д., всего 12 пар. Каждой «паре» соответствует своя манера обращения и форма проявления почтительности. К внешним признакам, по которым можно «угадать», к какой категории относится тот или иной житель, Кауфман относит одежду, богатство и пр. Так за деревьями автор не видит леса: в мелких, второстепенных по существу «типах взаимоотношений» оказываются растворенными основные связи между жителями Бангхуада, вытекающие из их отношений к главному для крестьян средству производства — земле.

Самыми тесными с экономической точки зрения являются связи между членами одной семьи. Экономическое значение имеют также связи между семьями братьев и сестер, воспитанных в одном доме: в случае материальных затруднений они обращаются друг к другу (например, чтобы взять деньги в долг, получить землю в аренду на льготных условиях и т. д.). Между родственниками дальними, часто живущими в разных деревнях, остаются лишь связи неэкономического характера (посещение церемонии кремации и пр.).

Насколько можно судить по таблице терминов родства, приведенной на стр. 26, система родства тай может быть охарактеризована как гавайская.

Половина всех брачных союзов заключается внутри самого Бангхуада, и таким образом отпадает вопрос о локальности поселения после брака; в остальных случаях выбор места поселения после брака определяется экономической целесообразностью: если семья жены намного богаче семьи мужа, поселение становится матрилокальным. Фактически, в 75 из 100 случаев брака между жителями разных деревень поселение является патрилокальным. Перед тем как постоянно поселиться в деревне мужа, молодые супруги в течение одного года или двух лет должны прожить в семье родителей жены (стр. 28—29). Этот обычай представляет собой пережиток отработки за жену, дополняющей плату за нее, вносимую отцом жениха.

Хорошо известно, каким большим влиянием пользуется в Таиланде буддийская церковь, буддийские храмы в этой стране исчисляются пятизначными цифрами, а изображение монаха в шафранно-желтом одеянии является непременным украшением любого иллюстрированного издания о Таиланде. Сотни страниц в книгах на раз-

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 109.

³ E. Y. De Young, Village Life in modern Thailand, Los-Angeles, 1955, стр. 32—33 и 82.

ных языках посвящены описанию буддизма, пронизывающего всю жизнь Таиланда, тайской буддийской архитектуры, скульптуры и т. д. В главе VI рецензируемой книги Кауфман освещает ту сторону буддизма, которая менее всего известна европейскому читателю — «земную» жизнь монахов, связь храма с посещающим его населением. Как бы введенный автором за кулисы деревенского буддийского храма в Бангхуаде, читатель найдет в повседневной деятельности его обитателей и служителей много для себя нового и неожиданного. Ему станет ясно, благодаря чему храм — «ват» является религиозным и общественным центром деревни.

Храм в Бангхуаде представляет собой комплекс сооружений, включающий «бод» (зал для собраний, где происходят посвящение в монахи и важнейшие службы), «вихан» (святилище для проповедей и размышлений), 16 монашеских келий (кути), колокольню, 4 ступы (чеди), школу, дерево «Во», а также подсобные и хозяйственные помещения.

Жители деревни приходят в храм на всевозможные собрания, здесь они развлекаются, лечатся, получают советы, учатся (до 1935 г. в деревне не было «светской» школы), берут напрокат вещи (за небольшую плату натурой), узнают новости (здесь есть радио), берут деньги в долг или отдают свои сбережения на хранение. Бедняки могут иногда получить здесь работу, а одинокие люди и приют. Таким образом, ват выполняет разнообразные, в том числе весьма далекие от религии функции. Обращает на себя внимание бурная финансовая деятельность храма. Формально обязательных «налогов» в пользу храма не существует, фактически население не только кормит монахов, но и делится с ними всеми своими доходами.

Есть строгое соотношение между размером подаяния храму и величиной участка земли, которым владеет семья. На стр. 105 в форме таблицы приведены данные, показывающие, что ежедневное «кормление» монахов является делом тех хозяйств, площадь поля которых составляет от 30 до 100 рай. Соответственно доходу семьи возрастают и подаяния от нее — денежные и натурой — по случаю религиозных празднеств. За все обряды, в которых участвуют монахи, деревенские жители одаривают их чаем, кофе, деньгами, сигаретами, одеждой. Размеры многочисленных подаяний в пользу храма значительно превышают потребности последнего, поэтому создаются накопления средств, которыми заведует специальный комитет в составе настоятеля храма, его помощника, казначея и еще пяти членов, избираемых пожизненно из числа наиболее состоятельных жителей деревни. Члены этого комитета дают крестьянам расписки о принесении ими дара храму. Большие денежные суммы переправляются в банк в Бангкоке. Не довольствуясь этими доходами, деятели храма округляют их, сдавая в аренду землю с жилыми постройками, давая крестьянам в долг деньги и вещи напрокат.

Большая заслуга Кауфмана состоит в том, что он показал, что роль храма в тайской деревне не ограничивается чисто религиозной деятельностью и секрет его влияния на население — не только в глубокой религиозности последнего. Вместе с тем, Кауфман, на наш взгляд, идеализирует значение храма, видя в нем силу, способную смести все трудности с жизненного пути тайских крестьян. Он показывает, как глубокие изменения в деревне в последние десятилетия XX в. (продажа продуктов собственного производства вместо продуктообмена, изменения в технике выращивания риса, ослабление родственных связей между отдельными семьями, отходничество, переселение крестьян в города и т. д.) расшатывают веками складывавшиеся устои деревенской жизни. У жителя деревни появляется чувство неуверенности и сомнения, он стоит перед дилеммой — остаться ли ему в деревне или окунуться в городскую жизнь. Странный выход из создавшегося положения видит Кауфман: «Возможное решение проблемы, — пишет он, — состоит в возвращении буддийскому храму его прежней роли...». С этим, разумеется, невозможно согласиться. Какой бы «проникающей во все сферы жизни», по выражению Кауфмана, ни была роль храма, наивно было бы полагать, что он может остановить процесс перехода от натурального хозяйства к товарному, иными словами, развития капитализма в деревне, и оградить крестьян от сопутствующих ему социально-экономических явлений. Увлечение Кауфмана ролью вата в деревне заходит так далеко, что жителей, для которых настоятель не является авторитетом, он неодобрительно характеризует как «людей, стремящихся к ...избавлению от храма, людей, которые, разочаровавшись в окружающей действительности, во всем винят настоятеля храма». Подробностей конфликта между этими «разочарованными» жителями (а их, по подсчетам Кауфмана, 5%) и настоятелем храма не приводится, так что остается неясным, не переносят ли они свою неприязнь и на религию.

В главе VIII рецензируемой книги, озаглавленной «Жизненный цикл», интересно описание обычая «юфай»: 15 дней после первых родов, 9 дней — после вторых и 9—7 — после последующих женщина должна провести лежа возле огня, разведенного в комнате в жаровне. Огонь призван вернуть женщине израсходованные во время родов силы и сделать сильным новорожденного. Огонь разжигают при приближении родов. С цветами и курительными палочками в руках роженица обращается к богине огня с просьбой защитить ее от болезней, а затем кладет палочки по углам очага, цветы —

в одном из углов. Упоминания об этом обычае встречаются во многих описаниях Таиланда, причем авторы наиболее поздних работ дают понять, что обычай этот почти перестал существовать⁴. Кауфман отмечает лишь одну причину несоблюдения этого обычая в Бангхуаде: отсутствие родных у роженицы, которые могли бы в течение указанного срока поддерживать огонь.

Любопытно упоминание о церемонии, проводимой на четвертый день после рождения ребенка, когда собираются родные. В этот день ребенка кладут в колыбель. Кто-нибудь из родственников, качая колыбель, произносит такую фразу: «Три дня ребенок принадлежит духу, на четвертый — людям. Кто хочет взять его?». Находится женщина, изъявляющая желание назвать себя матерью новорожденного. Этот обычай имеет целью направить духов по ложному следу путем разлучения ребенка с его родной матерью. Кауфман отмечает, что происходит постепенное отмирание этой церемонии. В литературе о Таиланде нам не попадалось еще столь подробного описания свадебного обряда, как в этой книге (стр. 152—156).

Отлично описаны также развлечения деревенского населения.

В короткой рецензии невозможно коснуться всех тем, освещенных в многоплановом труде Кауфмана. Совершенно очевидно, однако, что появление книги Кауфмана предельно насыщенной фактами и заполняющей многие пробелы в литературе о быти тай, представляет собой большой шаг вперед в изучении этнографии Таиланда.

Е. Иванова

⁴ См. например, Y. E. De Young, Указ. раб., стр. 50—51.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

И. Р. Григулевич. *Культурная революция на Кубе*. М., 1965, 301 стр.

Культурная революция на Кубе — следствие глубоких политических и социальных преобразований, совершенных в этой стране после свержения диктатуры Батисты в начале 1959 г. Трудно найти такую книгу о современной Кубе, где бы не говорилось о замечательных успехах культурной революции — ликвидации неграмотности, бурном развитии школьного, внешкольного и университетского образования, создании национальных технических и научных кадров и т. д. Однако до сих пор ни в нашей литературе, ни в зарубежной не было работы, в которой систематически излагались бы достижения культурной революции на Кубе. Такой недостаток восполнила недавно опубликованная монография И. Р. Григулевича.

Монография состоит из девяти глав, краткого историографического очерка и обширной библиографии. Исследование начинается с вводной главы о состоянии национальной культуры на Кубе в дореволюционный период, затем автор излагает основные этапы культурных преобразований в революционный период с 1959 по 1964 гг. включительно.

В книге подробно анализируются школьная и университетская реформы, кампания по ликвидации неграмотности в 1961 г., развитие внешкольного образования среди трудящихся города и деревни, создание национальных технических и научных кадров, преданных революции, роль и место интеллигенции в революционном процессе, ликвидация расовой дискриминации, отделение церкви от государства, культурное и научное сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами и, наконец, одно из главнейших завоеваний — широкое распространение идеологии марксизма-ленинизма среди кубинского народа.

В главе о состоянии национальной культуры на Кубе до революции автор весьма убедительно доказывает, что национальная культура возникла и развивалась в процессе борьбы кубинского народа сперва с испанскими, а потом с североамериканскими колонизаторами и их местными ставленниками. В результате этого национальная культура приобретала определенную прогрессивную направленность, а испанские колонизаторы и американские империалисты были яркими противниками кубинской национальной культуры.

Террор, коррупция, гонения против прогрессивных деятелей просвещения и культуры — все это с особой силой проявилось в период кровавой батистовской диктатуры. Название подглавы «Диктатура Батисты — враг национальной культуры» говорит само за себя. Действительно, это были черные дни для всего светлого, передового, народного. Видные деятели кубинской культуры вынуждены были эмигрировать, скрываясь от преследований полиции. Еще более тяжелой была участь тех, кто остался на острове — им всячески препятствовали в их культурной деятельности. Например, была лишена государственной субсидии балетная школа лишь под тем предлогом, что муж ее